

А кроме самого первого потрясения, с течением стольких прошедших с того момента лет, Ху Тянь постепенно привык к тому, что Шань Жун всегда будет проявлять к нему столь бескорыстную снисходительность и переполняющие его душу глубокие чувства. С какого же момента это началось?

С какого момента он стал само собой разумеющимся считать, что Шань Жун навеки принадлежит только ему, и что никто другой не посмеет даже осквернить его? С какого момента его сердце, и даже его разум твердили ему, что Шань Жун непременно будет вечно и из века в век любить его вот так? Так естественно, несомненно и непоколебимо?

Откуда же взялась эта вера, в которую он так непоколебимо верил все это время? Ху Тянь чувствовал холод во всем теле, он ощущал опасность — огромную опасность, от которой ныли все кости и плоть.

Ху Тянь отчетливо понимал: теперь их с Шань Жюном роли поменялись местами. С этого момента, или, пожалуй, с того самого раза, когда он разыскал и вернул Шань Жуна, баланс сил между ними кардинально изменился.

Ху Тянь еще не до конца понимал, почему произошли такие перемены, но он отчетливо знал одно: причина крылась в нем самом.

Если бы с ним самим не было никаких проблем, то при том кротком и добром нраве, с которым Шань Жун был готов жить и умереть ради него, подобных грандиозных перемен просто не произошло бы.

Внезапно вспомнив недавний разговор с Юху Цинчжоу, Ху Тянь молча опустил голову, вглядываясь в раздумывавшееся от хмеля личико Шань Жуна. Его шаги, еще мгновение назад казавшиеся нерешительными, теперь стали еще тверже.

Ху Тянь знал: что бы ни случилось, успеют они всё исправить или нет, он ни за что не выпустит руку Шань Жуна из своей. Даже перед лицом смерти он не отпустит ее.

Шань Жун в этой жизни должен быть не кем иной, как женой его, Ху Тяня.

Юань Цзыжу в этот момент отчетливо видел всё происходящее через водное зеркало. Он лениво развалился на мягкой кушетке в дальних покоях Вань Юань Сюаня. Эта кушетка была создана им на основе удобных постелей из нескольких миров, где он побывал ранее, и переделана по его собственному вкусу — пожалуй, это было его самое любимое место, где он больше всего любил проводить свободное время, без всяких исключений.

Устроившись спиной на мягкой подушке, одной рукой он лениво поглаживал мягкую шерстку кролика, примостившегося у него под ладонью, а кончиком другого тонкого пальца легко провел по собственному бровей, не сходящая с губ улыбка мягко озаряла его лицо.

Уж к чему он точно не привык, так это к тому, чтобы телом и душой сближаться с какими-то незнакомцами. Ху Тянь же, поскольку являлся объектом желания, до определенной степени еще мог сойти. Что же касается всех остальных... Юань Цзыжу перебирал в пальцах прядь собственных длинных волос — нет, пожалуй, лучше обойтись без этого!

Именно поэтому в разгар пира в Резиденции князя Минь Юань Цзыжу на самом деле тихо и незаметно удалился, а вместо себя оставил точную копию — Марионетку. Разумеется, те несколько так называемых друзей появились точно таким же образом.

На самом деле всё было до смешного просто: стоило лишь внедрить в создание частицу остаточного сознания Шань Жуна, и посторонние уже никак не смогли бы распознать, кто есть кто.

Увидев, что вернувшийся домой Ху Тянь уложил заменяющую его Марионетку на кровать и даже не попытался разбудить, позволив спокойно уснуть, Юань Цзыжу неожиданно ощутил едва ли не желание поплодировать терпению Ху Тяня, которое выпадало на долю людей раз в десять лет.

Отодвинув рукой представшую перед глазами зеркальную гладь, он решил, что раз на этот раз вечером все прошло спокойно, то и ему больше незачем обращать на это внимание. Лучше как следует выспаться в собственном доме и подготовиться к завтрашнему разговору с глазу на глаз!

Юань Цзыжу неторопливо поднялся с кушетки. Кролик с поистине прозорливой мудростью в два-три прыжка ускакал в соседнюю комнату, и Юань Цзыжу последовал за ним.

Легким движением приподняв занавеску, он вошел внутрь и увидел стоявшую посреди пустой площадки в центре комнаты огромную курительницу. Среди поднимающихся над ней клубящихся струек ароматного дыма в воздухе парил погруженный в глубокий сон, слабый дух Шань Жуна.

Его руки были чинно сложены на животе, а тело лежало плашмя лицом вверх. Благодаря пропитке Благовонием Успокоения Души выражение лица спящего казалось безмятежным.

До тех пор, пока его желание не исполнится, чтобы не допустить полного рассеивания его увядающей с каждым днем духовной субстанции, Юань Цзыжу установил для него Треножник Успокоения Души и одновременно воскурил Благовоние Успокоения Души.

Когда же в будущем он исполнит желание Шань Жуна, тому предстоит сделать два противоположных выбора. Уйти или остаться?

Уйти — и стать ветром и пылью, остаться — и стать началом и истоком.

Юань Цзыжу подошел ближе и внимательно все осмотрел. Убедившись, что с душой Шань Жуна все в порядке, он достал из широкого рукава еще одну пластинку благовония и добавил ее в стоявшую перед ним курительницу.

Похоже, в будущем хлопот у него только прибавится, так что лучше бросить побольше сейчас — чтобы не забыть об этом в суете, иначе выйдет не так красиво.

Юань Цзыжу сидел за одним столом напротив Ху Тяня. Сегодня утром, стоило ему убрать поддельную Марионетку и сделать вид, что он только что проснулся и перевернулся на другой бок, как Ху Тянь тут же поднялся следом за ним.

— Давай поговорим начистоту!

Юань Цзыжу, разумеется, прекрасно понимал, к чему тот клонит, и вовсе не собирался чинить ему препятствия, а напротив, с самым естественным видом произнес:

— Ху Тянь, о чем ты беспокоишься? Что бы ни случилось, человек, которого я люблю сильнее всего на свете, — это всегда ты!

Услышав эти слова, Ху Тянь тут же окаменел. Он подумал, что произошло именно то, чего он боялся больше всего: вчерашнее не было случайностью или совпадением. Шань Жун всё сделал осознанно, да к тому же по собственной воле.

Лицо его помрачнело:

— Зачем?

Юань Цзыжу изобразил непонимание:

— Зачем что?

— Зачем ты так поступил? — Ху Тянь изо всех сил старался сдержать готовые вырваться наружу бурные эмоции.

Юань Цзыжу пристально посмотрел на него и неторопливо ответил:

— К чему эти вопросы, разве тут есть что-то странное? Ты ведь тоже на словах твердишь, как сильно любишь меня, а на деле держишь целую тучу любовников на стороне?

Юань Цзыжу говорил так, словно совершенно не подозревал, насколько дико и невероятно его слова прозвучат для Ху Тяня, и продолжал с сияющей улыбкой:

— Раньше я тоже не мог понять: почему было условлено, что в этой жизни мы будем только

вдвоем, а теперь ты нарушил клятву первым? Когда я только узнал об этом, мне было очень больно, очень-очень больно.

Юань Цзыжу поиграл в руке гладкой чашкой и, заметив, как с лица сидящего напротив Ху Тяня схлынули последние крохи краски, даже участливо похлопал его по руке, утешая:

— Ты не переживай, все это в прошлом. А я... Сначала я не понимал, но в последние годы понемногу смирился. Такие демоны, как мы, чей век исчисляется бог весть какими сроками, в столь долгой жизни, наверное, и вправду устали бы от общества друг друга, если бы рядом был вечно только один партнер!

Чем больше Ху Тянь слушал его, тем сильнее дрожали его губы; у него не оставалось даже сил поднять руку, чтобы заставить собеседника замолчать.

Он уже предвидел, что те острые клинки, которые собеседник сейчас будет метать один за другим, несомненно, сокрушат его окончательно, разорвут его сердце и печень на части и обратят в прах.

— Так что после возвращения на этот раз, особенно после того, как я уже покрутился на краю Врат Жизни и Смерти, о чем мне еще жалеть?

Юань Цзыжу мягко накрыл своей правой рукой лежащую на столе ладонь Ху Тяня и крепко сжал ее, с теплотой глядя на Ху Тяня в упор:

— Я подумал: раз уж всё это доставляет тебе радость, то и мне больше не нужно ни к чему принуждать себя. В конце концов, все мои заботы всё равно оказались бы напрасными.

— Но знаешь, Ху Тянь, порой я все же чувствую себя одиноким. И это одиночество такое странное... Я понял, что его не рассеять лишь оттого, что ты находишься рядом, целуешь меня или крепко обнимаешь.

— И тогда я наконец нашел прекрасный способ, Ху Тянь! Раз уж ты, любя меня, можешь обнимать других, то почему я, любя всем сердцем тебя одного, не могу точно так же искать утешения у кого-то еще?

Напоследок он снисходительно улыбнулся Ху Тяню:

— Видишь? На самом деле все так просто, не правда ли? Я люблю тебя, и ты любишь меня. Но при этом между нами больше нет обид, печали и тоски. Ху Тянь, разве я не прав? Или в том, что я делаю, есть что-то неправильное?

Ху Тянь потерянным взглядом в упор смотрел на него, понимая, что в этот момент в его словах действительно не было ни капли обиды и, разумеется, ни тени шуток.

Ху Тяню хотелось завизжать, хотелось взреветь. Хотелось яростно сорвать эту легкую улыбку с лица сидящего напротив человека, схватить за плечи, бешено трясти и отрицать: «Нет, неправ, все это неправильно...»

Ему хотелось закричать в ответ:

— Если ты говоришь, что любишь меня, говоришь, что любишь только меня, как ты мог за моей спиной искать других?!

Но Ху Тянь лишь бессильно приоткрыл рот, беззвучно шевеля губами несколько раз подряд, не в силах вымолвить ни единого слова.

Что он мог сказать? С каким лицом он мог читать ему нравоучения?

В чем он мог его упрекнуть? С каким выражением лица он смел бы обвинять его?

Ху Тянь чувствовал, что эта сцена совсем не похожа на ту, что он воображал себе прошлой ночью. Хотя тогда он смутно догадывался, что Шань Жун, возможно, уже узнал о его похождениях на стороне и намеренно разыгрывает этот спектакль, чтобы позлить его.

Но теперь, слушая его слова и внимательно всматриваясь в каждое выражение его лица, Ху Тянь понял: собеседник вовсе не шутил и не пытался его предупредить. Он в самом деле собирался строить их дальнейшую жизнь ровно так, как только что описал.

Но Ху Тянь не мог этого принять! Он признавал — он действительно не мог с этим смириться! Стоило ему только вспомнить те слова, а ведь вчера он своими глазами видел его страстный поцелуй с другим мужчиной, как его лёгкие едва не разорвались от гнева.

Ху Тянь яростно зажмурился. Он просто не смел вообразить, с кем ещё и с каким количеством людей Шань Жун в прошлом, когда он ничего не замечал, вступал в столь близкие отношения.

Судя по только что брошенным им фразам, вполне возможно, дело доходило до гораздо более глубокой связи, далеко превосходящей подобные вольности.

Ху Тянь охваченный опустошением обхватил лицо обеими руками, отчаянно пытаясь подавить поднимающуюся со всех сторон боль. Хотя ему меньше всего хотелось показывать свою слабость перед Шань Жюном, Ху Тянь уже не мог совладать с собой.

Ему казалось, что что-то внутри них запяtnано. Но что именно? В этот момент в растрепанной голове Ху Тяня не было ни единой ясной мысли.

Он знал лишь одно: они с Шань Жюном, оба они — запяtnаны.

С тех пор как оба они высказали друг другу всё начистоту, и по мере того как Юань Цзыжу изо дня в день всё сильнее предавался разврату во всех мыслимых смыслах, Ху Тянь с каждым днём становился всё молчаливее.

Их жизнь в основном сводилась к одному и тому же: Юань Цзыжу уходил развлекаться, а Ху Тянь, потеряв терпение в ожидании, лично отправлялся за ним, чтобы вернуть назад — или, вернее сказать, силой утащить домой.

И несколько раз случалось так, что Ху Тянь врывался именно в тот момент, когда Юань Цзыжу находился в самом разгаре страстной утехы с очередным чужаком.

После того как это повторялось слишком много раз:

— Ху Тянь, честно говоря, я совсем не понимаю, о чём ты думаешь, — хмурясь и недоумённо глядя на сидевшего напротив него Ху Тяня, произнёс Юань Цзыжу. — Я думал, мы уже во всём разобрались раньше, так почему же ты день за днём продолжаешь вести себя столь своенравно?

Ху Тянь услышал его слова и странным взглядом уставился на него:

— Своенравно? Выходит, в твоих глазах это всего лишь моё своеобразие?

Юань Цзыжу нашёл его странным:

— Разве нет? Послушай, разве более зрелый и благородный подход не заключается в том, чтобы, подобно мне в прошлом, ради душевного спокойствия каждого уметь идеально скрывать всё, даже если знаешь правду?

Он склонил голову набок, не понимая сути дела:

— Почему я в прошлом мог так поступать, а ты сейчас — нет?

Он взял Ху Тяня за руку и уже мягко проговорил:

— Разве в таком случае мы оба не обретаем свободу в этом вопросе? Тебе не нужно слишком сильно оглядываться на меня, и мне — тоже. Разве ты не считаешь, что такая жизнь по собственному желанию — это прекрасно?

Ху Тянь не понимал, то ли с его собственной головой что-то не так, то ли с головой собеседника. Иначе почему все эти слова звучали в его ушах столь нелепо?

Охрипшим голосом он устало усмехнулся:

— А если я скажу, что не принимаю этого? Что, если я не могу этого принять?

Юань Цзыжу с видом крайнего испуга резко отдёргнул руку:

— Что ты имеешь в виду?

— Что ещё это может значить? Разумеется, положить конец всему здесь и вернуться к тому самому началу, с которого всё и зародилось! В то время рядом со мной был только ты, и у тебя тоже был только я!

Выражение лица Юань Цзыжу стало совершенно изумлённым:

— Ху Тянь, о каких шутках ты говоришь? Ты уверен, что мы ещё можем вернуться назад?

Он невероятно покачал головой:

— Нет, вернее сказать, это *ты* уверен, что сможешь вернуться назад? Произнося такие слова, неужели ты думаешь, что после всего случившегося я всё ещё способен снова поверить тебе?

Ху Тянь с мертвенно-бледным лицом закрыл глаза. Верно, чем ему заставить другого поверить?

Какими бы ни были их отношения до свадьбы, но после того, как они сошлись, он ведь действительно клялся и божился, заверяя того, что с этих пор непременно остепенится и будет относиться к нему всей душой, однако теперь...

Глубоко вздохнув и снова открыв глаза, Юань Цзыжу заметил, что во взгляде этого человека внезапно что-то изменилось.

Что же именно?

Пожалуй, это была та решимость человека, который уже внутренне к ко всему подготовился и, даже предвидя, что желанный им ответ обречёт его на вечные муки, всё равно без оглядки пойдёт навстречу гибели, словно отправляясь на верную смерть!

— Где он?

Ху Тянь думал: зачем ему вообще нужно доверие человека, стоящего перед ним? Оно ему не нужно, оно ему совсем не нужно. Всё, что ему было нужно — это искреннее сердце другого человека.

На лице Юань Цзыжу не появилось ни малейшего изъяна от внезапного вопроса Ху Тяня:

— Ху Тянь, какую бессмысленную чушь ты снова несёшь?

Ху Тянь лишь упрямо смотрел на него, отчаянно пытаясь добиться ответа, который мучил его уже столько дней и ночей:

— Скажи мне, где он?

Он крепко вглядывался в каждое движение Юань Цзыжу и сквозь зубы процедил:

— Ты ведь знаешь, не так ли?

Юань Цзыжу, однако, продолжал гнуть своё, игнорируя его:

— Сегодня вечером у меня ещё есть дела, нужно кое о чём поговорить с другими людьми, так что мне, пожалуй, пора идти. Если ты, Ху Тянь, хочешь и дальше развлекаться, можешь делать всё что пожелаешь!

С этими словами он тут же поднялся на ноги. Но не успел он сделать и шага, как собеседник властно перехватил его за запястье, и Юань Цзыжу мгновенно потерял способность двигаться.

— Раз ты не желаешь мне говорить, я задам вопрос иначе: он... в порядке?

До этого Юань Цзыжу держался весьма непринужденно, но стоило ему услышать эти последние слова, как его бесстрастный нрав, не менявшийся на протяжении бесчисленных лет скитаний среди бурных вод бренного мира, мгновенно вспыхнул яростью.

Впрочем, уже через мгновение он снова принял прежний вид и, обворожительно улыбнувшись, наклонился, чтобы заглянуть в глаза напротив:

— Глядя на меня, как по-твоему... может ли он быть в порядке?

Заметив, как после такого ответа у Ху Тяня задрожали чувственные тонкие губы, Юань Цзыжу с обманчивой мягкостью оттолкнул его, провёл пальцем по его губам и сладко усмехнулся:

— Понятия не имею, скольких людей этот сладкий язычок обманул в прошлом своими медоточивыми речами! И всё же, почему тебе вдруг захотелось узнать это именно сейчас?

Ху Тянь в муках обхватил голову руками, а затем, словно вымещая на ком-то злобу, изо всех сил смахнул рукой на пол всё, что стояло на столе.

Юань Цзыжу ловко увернулся от со звоном разлетавшихся повсюду чашек и блюдец, после чего с опаской потрогал уголок глаза, едва не задетый летящим осколком, и недовольно бросил:

— Эй-эй, не мог бы ты быть аккуратнее, когда всё крушишь? Что, если ты случайно повредишь это тело?

Услышав это, Ху Тянь поднял голову — его глаза покраснели и наполнились диким, звериным бешенством. Юань Цзыжу даже показалось, что он слышит тяжелое, прерывистое дыхание, вырывающееся из его ноздрей.

— Это ты! — мрачно прошипел Ху Тянь.

Юань Цзыжу, разумеется, прекрасно понимал, на что тот намекает, но, услышав, как на него так просто возлагают вину, лишь презрительно фыркнул:

— Тц-тц, как знаешь! Всё равно для тебя я всегда во всём виноват!

Он накрутил на нежный кончик пальца выбившуюся из прически гладкую прядь волос и принялся рассеянно ее вертеть:

— Время встречи уже близко, так что у меня нет времени продолжать болтать с тобой о пустяках.

Юань Цзыжу шагнул через усыпанный обломками пол, собираясь уйти, но этот человек преградил ему путь во второй раз.

Юань Цзыжу почувствовал, что этот тип сейчас стал поистине невыносимо надоедливym, поэтому он поднял правую руку и на расстоянии легко качнул ею, толкнув ладонью вперёд.

Он даже не коснулся тела Ху Тяня по-настоящему, однако Ху Тянь, только что стоявший перед ним у дверей, в мгновение ока вылетел за пределы комнаты и со всего маху врезался в прочную стену во дворе, на которой было наложено множество барьеров.

А затем его отбросило рикошетом, и он с глухим стуком рухнул на землю.

Хотя Ху Тянь экстренно взял своё тело под контроль, успев сначала опереться руками, а затем сделать несколько ударов ладонями по земле, что позволило ему твердо подняться на ноги и избежать позорного падения лицом в грязь,

однако, выпрямившись во весь рост, он всё же не удержался и выплюнул несколько сгустков крови. Вид у него был крайне потрепанный.

Всё это произошло всего за несколько мгновений. За всё время Юань Цзыжу лишь успел прикрыть рукой уголок рта, лениво зевая, и больше не сделал ни единого движения.

Но даже при этом легкий удар противника едва не покалечил его, и Ху Тянь проникся немалым страхом перед истинным происхождением этого человека.

И всё же, движимый некой непоколебимой верой, Ху Тянь по-прежнему бесстрашно и грозно преграждал ему путь.

Принимая во внимание то, что в его дальнейших планах эта маленькая лисица еще не раз пригодится, Юань Цзыжу, разумеется, не мог больше идти напролом и вступать с ним в открытое столкновение.

Он беспомощно опустил руку:

— Чего ты в конце концов добиваешься?

Ху Тянь сквозь зубы выдавил:

— Верни его мне!

Услышав это требование, Юань Цзыжу посмотрел на него так, словно перед ним стоял капризный ребёнок, несущий какую-то небыхицу.

Впрочем, скрываться больше было не нужно: в какой-то момент за ним увязался и его кролик. Юань Цзыжу лениво подхватил его одной рукой и принялся рассеянно поглаживать.

— Если считаешь, что у тебя хватит способностей разыскать его, отправляйся и ищи. У меня таких способностей нет. Я всего лишь пришёл помочь ему исполнить последнее желание в его жизни!

— Желание?

— Верно, желание! — Юань Цзыжу сам себе довольно усмехнулся.

Лицо Ху Тяня приняло неопределенное выражение, и он потребовал ответа:

— Какое желание?

Юань Цзыжу правой рукой легко постучал себя по подбородок и улыбнулся:

— Хм... Какое же желание? Что ж, в знак того, что ты всё-таки пострадал из-за меня, можно сделать исключение и ответить.

— Но неужели всё, что я делал в последнее время, было настолько незаметно? Неужели ты, видя это, до сих пор не смог догадаться?

Ху Тянь нахмурился:

— Что ты имеешь в виду?

Юань Цзыжу позабавил этот вопрос:

— Голова у тебя, лисенка, и вправду соображает туго! Судя по тому, чем я занимался последние дни, разве не очевидно, что я ищу человека?

<http://bllate.org/book/22153/2307661>